

УДК 165

Аргумент «Рогатка» против корреспондентной теории истины: анализ и критика

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, переулок Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются методологические возможности развития критики корреспондентной теории истины на основе использования логико-семантического аргумента «Рогатка». Формально корректно аргумент демонстрирует, что все истинные предложения, при условии взаимозаменяемости логических эквивалентных выражений и кореферентных единичных термов, совпадают в том, что они обозначают или на что указывают. Коллапсирующий эффект в отношении десигнатов или референтов истинных предложений Д. Дэвидсон переносит на факты, доказывая проблематичность дифференциации и индивидуации их как объектов, которым соответствуют истинные высказывания. Проблемным местом демонстрации тривиальности понятия соответствия фактам является недостаточно последовательно проводимое различие между реалистическим и лингвистическим понятиями факта. Рассматриваются также альтернативные стратегии логико-семантического анализа, позволяющие нейтрализовать аргумент «Рогатка» за счет переосмысления его базовых допущений: нефрегеанская стратегия индивидуации фактов или пропозиций, учитывающая интенциональную конвергенцию выражений в рамках двухуровневой семантики; стратегия реконструирования фактов или ситуаций на основе выделения различных конститuentов предметного содержания выражающих их предложений в рамках ситуационной семантики; стратегия, предполагающая замену референциального истолкования сингулярных термов квантификационным, согласно методологии, заложенной в теории дескрипций Б. Рассела.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Аргумент «Рогатка» против корреспондентной теории истины: анализ и критика // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 2А. С. 39-61.

Ключевые слова

Эпистемология, истина, факт, семантика, корреспондентная теория истины, аргумент «Рогатка», логическая эквивалентность, кореферентность, определенные дескрипции.

Введение

Основания для критического переосмысления в рамках аналитической философии позиций классической эпистемологии, включая принципы истинностной оценки высказываний, эксплицируемые на основе корреспондентной теории истины, определились в диапазоне тематически различных исследований и подходов философов-аналитиков, ставивших в том или ином проблемном контексте вопрос об условиях осмысленного оперирования понятием «истина» и его значении для научной практики или обыденного языкового дискурса. Так, например, для такого классического представителя аналитической философии, как Д. Дэвидсон, обращение к этому вопросу было особенно актуальным в плане разработки проблем теории значения с использованием принципов условие-истинностной семантики [Дэвидсон, 2003, 45-107], интегрируемых в методологию радикальной интерпретации, а также в плане развития программы экстерналистски ориентированной эпистемологии, свободной от субъективизма, концептуального релятивизма и репрезентационизма, что коррелировало с его подходами к решению философских проблем связи языка, сознания и мира на основе понимания роли каузальных факторов, социального контекста и условий возможности языковой коммуникации. В случае Р. Рорти, Д. Дэвидсона и других представителей неопрагматического анализа критика оснований корреспондентной теории истины представляется вполне закономерной, если учитывать, что в целом ряде работ этих мыслителей эксплицитно обозначилась программная ориентация на то, чтобы трансформировать парадигму философского анализа содержания мысли и речи за счет *устранения репрезентативизма* [Neale, 2007, 6], т.е. деконструирования самой идеи ментальных и языковых репрезентаций реальности (ключевой момент переосмысления классического дуализма объективного и субъективного с учетом коммуникативно-языковых практик) и обоснования (как это делает Д. Дэвидсон, раскрывая значение коммуникации в горизонтах общего мира) системной взаимозависимости трех типов знания - знания о собственном сознании, знания о содержании сознания других и знания о мире, что преподносилось как начало обновления подходов к проблемам семантики и эпистемологии [Davidson, 2001, 205-220].

Помимо общих соображений, приобретавших статус значимых аргументов в рамках разработки концепций языковой семантики и эпистемологии, критическое отношение ряда философов-аналитиков к принципу репрезентации было обусловлено еще и тем, что в основания парадигмы репрезентационизма заложены допущения, способные индуцировать скептицизм и релятивизм. Особенно значимым было допущение, что в основе способа репрезентации лежит некоторая *концептуальная схема, детерминирующая содержание представлений, выразимое предложениями, подлежащими истинностной оценке* [Дэвидсон, 2003, 258-277]. Очевидно, что критические интенции в отношении понимания истины на основе идеи соответствия высказываний фактам, получающей содержательную интерпретацию в рамках парадигмы репрезентационизма, актуализировались в разных контекстах, в том числе и в контексте критического анализа Дэвидсоном оснований концептуального релятивизма [Галухин, 2017, 5-38]. Предпосылки концептуального релятивизма складываются в результате развития общего подхода к анализу знания, основанного на утверждении «третьей догмы эмпиризма», дуализма концептуальной схемы и внеязыкового (эмпирического) содержания, в отношении к которому концептуальная схема выполняет определенные функции, осмысливаемые, как правило, на основе метафор «организации» или «согласования». Соответственно, важным этапом последовательной критики позиции, утверждающей дуализм

концептуальной схемы и содержания, становится демонстрация того, что эта «третья догма эмпиризма» не дает ничего позитивно значимого в плане методологии и эвристики решения проблем обоснования и истины. В этом контексте *корреспондентные теории истины* становятся объектом критики в той мере, в какой их основания отражают способ трактовки истинности, который удовлетворяет принципу действия концептуальных схем, осмысленному на основе идеи согласования или соответствия [Дэвидсон, 2003, 270]. Допускалось, что концептуальная схема, применяемая к внеязыковому содержанию, обеспечивает индивидуацию объектов и упорядочивание их в рамках «картины мира», что отображается в постулатах соответствующей теории. Если истина предложений, связываемых в теорию посредством концептуального и логического аппарата, определяется в терминах *соответствия некоторой сущности*, что должно, как предполагается, подтверждаться данными, то *демонстрация апористичности принципа соответствия и проблематичности определения на его основе критериев истинности* должна была служить подкреплением общего вывода, а именно - что всякая попытка обосновать приемлемость концептуальной схемы исходя из того, что концептуальная схема, развернутая в теорию, истинна, является несостоятельной. Для критики концептуального релятивизма в этом аспекте Дэвидсон использует общие аргументы, которые, как правило, в более широком контексте эпистемологических и смежных с ними исследований выработывались в порядке критического анализа корреспондентных теорий истины.

Общая идея корреспондентных теорий истины

Корреспондентные теории истины обосновывают подход, в рамках которого «свойство быть истинным объясняется отношением между высказыванием и чем-то еще», что высказыванием не является, но представляет «нечто, что соответствует в реальности тому, что высказано» [Лебедев, 2001, 76], т.е. независимый (от репрезентации) истинностный оператор (например, «факт» или «положение дел»), введение которого обосновывается, как правило, с позиций реализма. Собственно, реализм в отношении истины выражается в истолковании истинности как реляционного свойства убеждений, выражающих их предложений или даже целых теорий, которое определяется исходя из *принципа соответствия того, что утверждается (или отрицается) в теории, тому, что есть (или чего нет) в мире, от теории независимом*.

При фактуальном истолковании операторов истинности корреспондентно-истинностная оценка на уровне пропозициональных установок, таких как убеждение, выражается утверждениями типа «убеждение истинно, если есть соответствующий факт, и ложно, если соответствующего факта нет» [Russell, 1959, 129]; если факты представлять как комплексы объектов, связанных определенными отношениями и «включающих лишь объекты сознания, а не его самого», то вслед за Расселом можно сказать, что «убеждение истинно, если оно соответствует определенному связанному комплексу, и ложно, если оно ему не соответствует» [Russell, 1959, 128]. В свете комплексного понимания фактов в развитии понятия истины задействуется модель следующего представления: «Если мы возьмем такое убеждение, как: "Отелло полагает, что Дездемона любит Кассио", то мы назовем Дездемону и Кассио *объектными терминами*, а любовь – *объектным отношением*. Если есть сложное единство "любовь Дездемоны к Кассио", состоящее из объектных терминов, связанных объектным отношением в том же порядке, в каком они находятся в убеждении, то это сложное единство называется *фактом, соответствующим убеждению*» [Russell, 1959, 129]. В случае же

истинностной оценки теории применяется объяснительный принцип, включающий формулировку условий, при которых теорию следует признать истинной: теория истинна, потому что ее положения согласованы с опытом, удовлетворяющим условиям репрезентации фактов.

Так или иначе, корреспондентная теория истины в этой версии, названной В. Кюнне «Кембриджской версией теории соответствия» [Künne, 2005,112], развивается на основе общего положения, что именно факты (или положения дел), независимые от сознания, являются *верификаторами* убеждения, т.е. тем, что делает убеждения (и выражающие их высказывания) истинными [Russell, 1959, 130].

Альтернативные версии корреспондентных теорий развиваются на основе *объектного* истолкования операторов истинности. В духе Больцано истинность определяется как «соответствие *приписывания* (предиката суждения его субъекту) *присущности* (свойств или отношений, обозначаемых предикатом, предмету, обозначаемому субъектом суждения)» [Петров, Захаров, 2001, 83]. Философы, которые следуют в этом направлении, полагают, что «ментальная или вербальная предикация «согласуется с ее объектом», если и только если то, что предикцируется, подходит (присуще) объекту, которому это предикцируется, и, таким образом, они раскрывают понятие истины в терминах *объектно-основательного соответствия...*» [Künne, 2005,108]. Как видно из приведенного выше определения, при объектном истолковании верификаторов, т.е. того, соответствие чему делает суждение истинным, на логическую форму суждений накладываются ограничения, индуцирующие, что именно суждения субъектно-предикатной структуры выступают объектами истинностной оценки.

Стандартные формы критики корреспондентных теорий истины

Критики из числа представителей аналитической философии традиционно обращаются в основном к принципам теории корреспонденции, сформулированным в работах Рассела и Мура, которые в качестве носителей истинности представляют полагания (убеждения), пропозиции и выражающие их предложения, а в качестве основанных верификаторов – факты и положения дел.

Довольно распространенной является стратегия критики корреспондентных теорий истины, которая основана на развитии общего соображения, указывающего на отсутствие рациональных оснований «предполагать какую-либо возможность сопоставить слова или убеждения с миром, поскольку любая такая попытка должна всегда приводить к приобретению других убеждений» [Davidson, 2001,183]. Так, исходя из подобных же соображений, О. Нейрат развивал когерентную теорию истины, а Гемпель говорил о фатальной конфронтации предложений и фактов. Однако такого рода соображения высказывались в русле субъективистского понимания истины, т.е. допущения, что истина – эпистемический концепт. Такое субъективистское понимание истины и основанные на нем возражения не затрагивают позиции «объективиста», – последний «всегда считал, что истина независима от наших убеждений и наших способностей узнать нечто истинное» [Davidson, 2001, 183].

В эпистемологическом дискурсе, ассимилировавшем стратегии лингвистического анализа, традиционно указывались «неудачи корреспондентных теорий истины, основанных на понятии факта», которые проистекают из логико-семантических затруднений, в числе которых – «трудность описания факта, верифицирующего предложение, не используя само это

предложение» [Дэвидсон, 2003, 88]. Трудности этого порядка можно отнести к известным апориям семантической замкнутости, возникающим вследствие отсутствия отчетливого различения объектного языка и метаязыка (разработанная Расселом теория типов должна была способствовать преодолению этих апорий).

Критики также указывают на парадоксальную ситуацию, которая возникает вследствие того, что отношение соответствия может применяться непосредственно только к простейшим предложениям. В свою очередь, «это побуждает теоретиков, опирающихся на факты, объяснять истинность всех предложений в терминах истинности простейшего из них и, в частности, интерпретировать квантификацию как просто сокращенную запись конъюнкций или дизъюнкций (возможно, бесконечных) простейших предложений» [Дэвидсон, 2003, 88]. Но пока квантификация рассматривается в этом логико-функциональном ключе, обращение к понятию соответствия представляется избыточным.

В аналитической эпистемологии были разработаны и более комплексные аргументы, нацеленные на демонстрацию того, что само по себе отношение соответствия является недостаточно определенным и в целом избыточным в плане анализа условий знания, а понятие «соответствие фактам», в объем которого оно входит, является логически диффузным и бесполезным для определения понятия истины. Одним из таких аргументов является довольно известный аргумент, представленный в разных своих версиях под общим именем «Рогатка» («The Slingshot»), – название, присвоенное аргументу Дж. Барвайзом и Дж. Перри [Barwise, Perry, 1981, 395], подчеркивало, по признанию этих философов, компактность и эффективность этого аргумента в качестве средства критики семантических, метафизических и эпистемологических концепций.

Коллапсирующий эффект аргумента «Рогатка»

Аргумент «Рогатка» демонстрирует апории, возникающие при построении семантики комплексных выражений, включающих операторы указания на факты в контексте истинностной оценки высказываний, значение принципов которой определяется в терминах корреспондентной теории истины. Апорийность проявляется главным образом в том, что отношению соответствия не может быть придан нормативно-критериальный статус ввиду тех проблем, которые возникают с его нетривиальным определением. Прежде всего, на определенном уровне семантического анализа выявляются *проблемы с уникальностью указания и однозначностью выделения того, в отношении к чему (как к независимому фактору истинности) выверяется или утверждается соответствие*.

Аргумент «Рогатка» производит семантически коллапсирующий эффект в отношении предложений (высказываний), в определение условий истинности которых входит идея соответствия фактам: в логико-семантическом смысле аргумент показывает, что все истинные предложения, при условии *взаимозаменяемости логических эквивалентных выражений и кореферентных единичных термов*, совпадают в том, что они обозначают или на что указывают. Демонстрируя, что коннективы типа «высказывание, что ...соответствует факту, что...» обладают истинностно-функциональным статусом, т.е. истинностное значение предложений, построенных на основе таких коннективов, зависит только от истинностных значений составляющих их компонентов, критики корреспондентной теории надеются показать, что все высказывания соответствуют одному и тому же факту [Virdi, 2006, 28-34].

Таким образом, общая интенция аргумента состоит в следующем: если предложения являются истинными в том смысле, что отсылают к фактам, которым они соответствуют, то,

исходя из принятых логических и семантических допущений, следует признать, что любое истинное предложение, о котором говорится, что оно соответствует *какому-то факту*, соответствует *какому угодно факту*; следовательно, в фокусе отношения соответствия различные факты «коллапсируют» в один «Большой Факт».

Логико-семантические основания аргумента «Рогатка»

Логико-семантические принципы, на основе которых строятся стандартные модели развития аргумента «Рогатка», можно найти в работах Г. Фреге; эксплицитное формализованное выражение данному аргументу дал А. Черч, развивая критику общего представления, что предложения отсылают к пропозициям; наконец, У. Куайн и Д. Дэвидсон представили версии этого аргумента, которые стали эффективным средством критики определенных позиций в области философии языка, метафизики и эпистемологии [Neale, 2007, 8]. Собственно, Дэвидсон использовал этот аргумент для демонстрации положения, что корреспондентные теории истины не обладают семантическими ресурсами, достаточными для индивидуации и идентификации фактов, соответствие которым делает конкретные предложения, суждения, высказывания истинными. По утверждению Дэвидсона, представление об источниках проблемы, артикулируемой данным аргументом, в концептуально обобщенной форме обнаруживается уже в работах К.И. Льюиса. Так, К. Льюис высказал соображение, что для теории корреспонденции, в постулатах которой утверждается независимость операторов истинности, трудность заключена уже в том, что выделение объектов, к которым предложение отсылает или которым оно «соответствует», *имеет смысл только относительно определенного плана обозначения или системы отсчета («a frame of reference»)*, т.е. тех смысловых рамок, в которых указание на объект становится понятным, - этот план должен, так или иначе, сказываться на определении того, чему истинное предложение соответствует. Развитие этой мысли привело Льюиса к основательному сомнению в том, что «теоретик корреспонденции способен выделить факт или фрагмент реальности, или элемент мира, которому соответствовало бы истинное предложение»; в результате он пришел к заключению, что «если истинные предложения вообще чему-нибудь соответствуют, то это должен быть универсум в целом». [Davidson, 2001, 183].

К конгениальному заключению в ходе логических исследований самостоятельно пришел Г. Фреге, утверждавший, что все истинные положения обозначают одну и ту же вещь, которую он называл «Истинное» [Frege, 1948, 217]. Аргумент Фреге в пользу этой позиции строится на определенных логико-семантических допущениях:

- референция сложного выражения определяется на основе референции его компонентов, так что замена одного компонента выражения другим, имеющим то же значение, не затронет референцию целого выражения;

- «если предложения являются выражениями, значение которых определяется таким же образом, как и значение собственных имен (включая определенные дескрипции), и истинностные значения являются сущностями, которые могут быть объектами референции этих предложений, то из этого следует, что истинностные значения представляют единственно возможный тип сущностей, которые могут составлять обозначаемое этими предложениями» [Newman, 2004, 168].

Действительно, в рамках стандартной семантической концепции Фреге, допускающей трактовку истинностного значения предложения в качестве его референта, неизбежно возникновение сложностей, которые являются следствиями принятия двух «вполне разумных

предположений», получавших статус принципов: «во-первых, логически эквивалентные единичные термины имеют один и тот же референт, во-вторых, единичный термин не меняет свой референт, если входящий в его состав единичный термин заменяется другим, имеющим тот же референт» [Дэвидсон, 2003, 47]. При экспликации сложностей, возникающих в рамках процедуры отождествления значений единичных терминов с их референтами, Дэвидсон имеет в виду именно позицию Фреге, рассматривая предложения как особый случай сложных единичных термов, которые в качестве объектов референции имеют истинностные значения: «...предположим, что R и S - это символы двух предложений с одинаковым истинностным значением. Тогда следующие четыре предложения имеют один и тот же референт:

- (1) R
- (2) $x(x = x \ \& \ R) = x(x = x)$
- (3) $x(x = x \ \& \ S) = x(x = x)$
- (4) S

(1) и (2) логически эквивалентны, так же как (3) и (4), при этом (3) отличается от (2) только тем, что содержит единичный терм x ($x = x \ \& \ S$), тогда как (2) содержит $x(x = x \ \& \ R)$, а эти единичные термины обозначают одну и ту же вещь, если у S и R одно и то же истинностное значение. Тем самым любые два предложения имеют один и тот же референт, если они имеют одно и то же истинностное значение» [Дэвидсон, 2003, 48]. В результате все предложения с одинаковым истинностным значением должны оказаться синонимичными, а это весьма проблематичный результат.

Однако, именно в концептуальном фарватере, заданном определенной линией семантического анализа, которая приводит к такому результату, выстраиваются соображения Дэвидсона, с помощью которых он пытается показать, что *понятие соответствия* тривиально и непригодно для теории истины, поскольку в логико-семантических основаниях теории, основанной на понятии соответствия высказываний фактам, обнаруживаются апории: «Исходя из допущений, что посредством взаимозамены кореферентных сингулярных терминов или логически эквивалентных предложений нельзя сделать так, чтобы истинное предложение соответствовало чему-то различному, можно доказать, что если истинные предложения чему-то и соответствуют, то они соответствуют одному и тому же. Но это означает полную тривиализацию понятия соответствия; отношение соответствия не представляет никакого интереса, если есть только один предмет, которому можно соответствовать, поскольку, как и в каждом подобном случае, отношение может быть свернуто («collapsed») в одноместный предикат: « x соответствует универсуму» [Davidson, 2001, 184].

Экспликация и анализ логической структуры аргумента «Рогатка»

Аргумент строится на основе допущений, которым придается статус принципов. Принципы эти заключаются в следующем: «если высказывание соответствует факту, описываемому выражением формы «тот факт, что p », то оно соответствует факту, описываемому выражением формы «тот факт, что q » при условии, что (1) предложения, которые заменяют « p » и « q », либо логически эквивалентны, либо (2) « p » отличается от « q »

только тем, что единичный термин был заменен в нем на тождественный по объему единичный термин» [Дэвидсон, 2003, 78] .

Данные принципы можно эксплицировать в форме соответствующих правил:

LEQ: *Замена логически эквивалентных предложений* (в рамках действия некоторого оператора Φ) *не изменяет истинностное значение целого выражения (предложения).*

SUB: *Замена кореференциальных сингулярных терминов (имен) в составе целого выражения* (в рамках действия некоторого оператора Φ), *не изменяет истинностное значение целого выражения (предложения).*

Заметим, что оператор Φ не является гиперинтенциональным, т.е. не предполагает, например, контекст косвенной речи и не ссылается на пропозициональные установки типа «..считает, что...», «..знает, что...», но может быть использован как оператор модальности («необходимо», «возможно»), каузальных отношений («по причине, что»), временного порядка («раньше», «позже»), а также – как оператор указания на факты («... факт, что..»), пропозиции, положения дел и т.п.

Применение этих правил – LEQ и SUB – в рамках представленного аргумента опирается на три леммы (стандартные схемы их доказательства в развернутом виде представлены в работе Стэйнтон [Stainton, 2010, 78-79]):

Лемма 1. « $\{x: x=x \ \& \ R \} = \{x: x=x \}$ » логически эквивалентно «R».

Доказательство: Если «R» истинно, то множество, к которому отсылает левая часть уравнения « $\{x: x=x \ \& \ R \}$ », содержит все элементы универсума, поскольку это множество таких x , каждый из которых удовлетворяет условиям, конститутивным для задания этого множества: x самотождественен и R. Но это же множество является референтом правой части уравнения « $\{x: x=x \}$ », в которой в качестве характеристического свойства, принадлежащего каждому элементу этого множества, указана самотождественность. Следовательно, если придать целостному уравнению сентенциональный смысл, то оно является истинным при условии, что «R» истинно. Если же «R» ложно, то левая часть уравнения отсылает к пустому множеству, т.е. в сентенциональном смысле ей соответствует ложное выражение; но тогда ложным оказывается и целостное выражение (уравнение). Таким образом, « $\{x: x=x \ \& \ R \} = \{x: x=x \}$ » логически эквивалентно «R».

Лемма 2. « $\{x: x=x \ \& \ S \} = \{x: x=x \}$ » логически эквивалентно «S».

Доказательство этой леммы аналогично доказательству Леммы 1.

Лемма 3. Сингулярный терм « $\{x: x=x \ \& \ R \}$ » имеет тот же референт, что и терм « $\{x: x=x \ \& \ S \}$ »

Доказательство: Референтом сингулярного терма « $\{x: x=x \ \& \ R \}$ » является множество, состоящее из элементов, каждый из которых удовлетворяет условиям, а именно быть самотождественным и R. Референтом сингулярного терма « $\{x: x=x \ \& \ S \}$ » является множество, состоящее из элементов, каждый из которых удовлетворяет условиям, а именно быть самотождественным и S. Поскольку, согласно принятому допущению, предложения «S» и «R» истинны, то оба сингулярных терма кореференциальны, ибо отсылают к универсальному множеству.

Именно эти леммы задействованы в развитии аргумента, – Дэвидсон имеет их ввиду, когда утверждает, что (1) и (2) эквивалентны, так же как и (3) и (4), а (3) отличается от (2) только тем, что содержит единичный терм, который при условии тождественности истинностных значений предложений оказывается кореференциальным терму в составе (2).

Заметим, что в контексте экспликации логической схемы аргумента мы применяем не «йота»-оператор, используемый в случае определенной дескрипции, а оперируем

утверждениями о множествах и их отношениях, следуя той версии аргумента, которая была представлена Дэвидсоном при обсуждении проблем синонимии и общих проблем развития семантической теории.

Допустим, имеется предложение S: «Москва – столица России» и имеется другое, произвольно выбранное предложение R: «Российский Император Петр I основал город Санкт-Петербург».

Допустим, S и R – истинные предложения.

Тогда, придавая смысл предикату «...является истинным» на основе корреспондентной теории истины, имеем:

[I]. «Москва – столица России» соответствует факту, что Москва – столица России.

Поскольку (Лемма2) «S» логически эквивалентно «{x: x=x & S} = {x: x=x}», то на основе допущения LEQ получаем:

[II]. «Москва – столица России» соответствует факту, что «{x: x=x & Москва – столица России} = {x: x=x}».

Допуская, что предложения «R» и «S» являются истинными, и исходя из (Лемма3) того, что сингулярный термин «{x: x=x & R}» кореференциален сингулярному термину «{x: x=x & S}», приходим к

[III]. «{x: x=x & Москва – столица России}» кореференциален «{x: x=x & «Российский Император Петр I основал город Санкт-Петербург»».

В рамках принятого допущения SUB осуществляем замену кореференциальных терминов и получаем:

[IV]. «Москва – столица России» соответствует факту, что «{x: x=x & «Российский Император Петр I основал город Санкт-Петербург»».

Наконец, применяя снова правило замены логически эквивалентных выражений (LEQ), получаем

[V]. «Москва – столица России» соответствует факту, что Российский Император Петр I основал город Санкт-Петербург.

Приведенное выше рассуждение является особенной формой демонстрации общего положения, что если предложение соответствует какому-либо факту, то оно соответствует *какому угодно* факту. Аргумент этот, по мысли Дэвидсона, показывает, что «существуют веские основания, происхождение которых можно проследить вплоть до Фреге, для отклонения фактов как объектов, которым должны соответствовать истинные предложения» [Дэвидсон, 2003,15].

В иных версиях этого аргумента рассуждение строится не на основе оперирования высказываниями о *классах или множествах*, а на основе эксплицитного применения принципов семантики *определенных дескрипций*. При этом, как верно заметил Ст. Нил, вопрос о том, следует ли трактовать определенные дескрипции в референциальном или квантификационном ключе, может иметь положительный смысл только в контексте определенных T-теорий, дающих определение понятия истины для некоторого языка [Neale, 2007,54].

Так, в эпистемологически адаптированном изложении, которое дано в работе Д. Дэвидсона «Истинно по отношению к фактам» аргумент представлен следующим образом:

«Пусть «s» это символическое обозначение некоторого истинного предложения. Тогда само собой понятно, что высказывание, что s соответствует факту, что s. Мы, однако же, можем заменить второе s его логическим эквивалентом «(x такой, что x тождественен Диогену и s) тождественно (x такой, что x тождественен Диогену)». Применяя принцип замены тождественных по объему единичных терминов, мы можем в последнем из цитированных нами

предложений заменить «s» на «t», предполагая при этом, что «t» является истинным. Наконец, возвращаясь к нашему первому шагу, мы делаем заключение, что s соответствует тому факту, что t, причем «s» и «t»- это два любые истинные предложения» [Дэвидсон, 2003, 78-79].

Допустим, s и t – истинные предложения.

a. s

b. $\text{ix}[x=\text{Диоген и s}] = \text{ix}[x=\text{Диоген}]$

c. $\text{ix}[x=\text{Диоген и t}] = \text{ix}[x=\text{Диоген}]$

d. t

Пусть «s» и «t»- это два любые истинные предложения. Будем использовать «s» для обозначения предложения «Москва – столица России», а «t» - для обозначения предложения «Российский Император Петр I основал город Санкт-Петербург».

Тогда в качестве примера содержательной экспликации аргумента можно представить следующую последовательность суждений:

[a.] «Москва – столица России» соответствует факту, что Москва – столица России.

[b.] «Москва – столица России» соответствует факту, что «(x такой, что x тождествен Диогену и Москва – столица России) тождественно (x такой, что x тождествен Диогену)»;

[c.] «Москва – столица России» соответствует факту, что «(x такой, что x тождествен Диогену и «Российский Император Петр I основал город Санкт-Петербург)»;

[d.] «Москва – столица России» соответствует факту, что Петр I основал город Санкт-Петербург.

Как видно, в пункте [a.] указано предложение, формальным обозначением которого является «s» соответствует факту, что s»; в пункте [b.] произведена замена выражения «Москва – столица России», используемого для обозначения факта, которому соответствует «s», на логически эквивалентное выражение $\text{ix}[x=\text{Диоген и s}] = \text{ix}[x=\text{Диоген}]$; в пункте [c.] применяется принцип замены тождественных по объему единичных терминов, в результате чего в комплексном выражении, используемом для указания факта, «s» заменяется на «t», предполагая, что «t» является истинным; наконец, в пункте [d.] представлено заключительное предложение, полученное в результате применения правила замены логически эквивалентных предложений.

Поскольку единственное ограничение относительно «t» состоит в том, что «t» должно иметь то же истинностное значение, что и «s», т.е. «s» и «t» - это два любые истинные предложения, то из вышеизложенных посылок можно вывести заключение, что *любое истинное предложение, которое соответствует какому-либо факту, соответствует любому факту*; данное заключение равнозначно утверждению, что все истинные предложения соответствуют тотальности всех фактов, представленной под именем «Большого факта».

Логическая схема аргумента та же, только в данном случае используются определенные дескрипции, в которых указывается не свойство абстрактной тождественности, а (с помощью ι -оператора) выделяется тот самый x, который тождественен уникальному предмету, собственное имя которого – Диоген. Поэтому к означенным выше правилам неявно добавляется новое правило Def-d: *Определенная дескрипция формы $\text{ix}\Phi$ отсылает к тому предмету x, для которого выполняется Φ , если этот предмет является единственным в универсуме, или ни к чему другому не отсылает, если x (в границах универсума) не является тем единственным предметом, для которого выполняется Φ .*

Таким образом, в этой версии аргумента более отчетливо выступает зависимость рассуждения и правильность вывода от принятой семантики определенных дескрипций,

которая, по аналитическому замечанию Ст. Нила [Neale, 2007, 51-52], удовлетворяет следующим условиям:

- позволяет вполне основательно утверждать логическую эквивалентность предложений a и b , а также c и d (предложения являются логически эквивалентными, если они имеют одно и то же истинностное значение при всех систематических интерпретациях их нелогических терминов);

- предполагает истолкование определенных дескрипций как сингулярных термов (а не как квантификационных именных конструкций в смысле теории дескрипций Б. Расселла);

- строится на основе принципа, эксплицируемого правилом: при условии истинности предложений s и t обоснованным является утверждение кореферентности терминов $\langle \iota x[x = \text{Диоген и } s] \rangle$ и $\langle \iota x[x = \text{Диоген и } t] \rangle$, которому эквивалентно утверждение истинности предложения $\iota x[x = \text{Диоген и } s] = \iota x[x = \text{Диоген и } t]$.

Спектр значимости аргумента «Рогатка»

В логико-семантическом плане значение аргумента «Рогатка» заключается в следующем: если в рамках применения некоторого оператора Φ (включая операторы модальности, каузальных отношений или временного порядка, а также связки типа «конъюнкции» и операторы, определяющие контекст на основе выражений типа «тот факт, что» или «предложение R соответствует факту, что») допускается взаимозамена кореферентных сингулярных термов и замена логически эквивалентных предложений, то допустимой является также замена предложений, которые только *материально эквивалентны*, т.е. которые не необходимо, а контингентно – по факту имеют одно и то же истинностное значение: в этом случае (в терминах, предложенных Стэйнтоном) даже если контекст не является «гиперинтенциональным», то он все же является «транспарентным» [Stainton, 2010, 78]. Однако, в повседневных языковых контекстах, где в функции операторов могут выступать слова, обозначающие модальность («возможно», «необходимо»), причинную зависимость («по причине того, что») или временной порядок («раньше, позже»), а также выражения, указывающие на факты («тот факт, что»), можно найти совершенно очевидные примеры того, что материально эквивалентные выражения не могут быть заменены *salva veritate* без изменения истинностного значения [Stainton, 2010, 77]. Так, например, нельзя заменить любым материально эквивалентным предложением предложение «Людовик VI был казнен» в составе сложного предложения «Людовик VI был казнен раньше, чем Наполеон был провозглашен императором Франции» и т.п.

В метафизико-эпистемологическом плане аргумент «Рогатка» показывает, что если предложение, такое, например, как «Москва – столица России», соответствует некоторому факту, то оно соответствует какому угодно факту, - *индивидуация того факта, которому соответствует истинное предложение*, в данном контексте (в контексте соотношения логически эквивалентных предложений с кореферентными сингулярными терминами) *проблематична*.

Эпистемологически значимые выводы, которые можно сделать на основе данного аргумента, обобщенно представлены в следующих положениях:

- 1) все истинные предложения являются кореферентными, т.е. отсылают к одному и тому же, совпадая в значении «истина» (как и все ложные предложения, которые совпадают в значении «ложь»);

- 2) если предложения являются истинными в том смысле, что отсылают к фактам, которым они соответствуют, то следует признать, что любое истинное предложение соответствует какому угодно факту, и, следовательно, все эти факты в створе отношения соответствия «коллапсируют» в один факт («Большой Факт», подобный Элеатскому «Единому»);
- 3) если имеется определенное истинное убеждение, то о субъекте его можно утверждать, что посредством этого убеждения он относится ко всему, что является истинным;
- 4) все истинные предложения являются необходимо истинными.

Критические выводы для корреспондентной теории истины

Корреспондентная теория истины, как отмечает Д. Дэвидсон, не предполагает «иного способа различения фактов помимо принципа соответствия, а этот тест не в состоянии раскрыть ни единого различия» в универсуме фактов [Дэвидсон, 2003, 79], поэтому все истинные предложения, верификаторами которых, как предполагает теория, должны быть различные факты, соответствуют одному-единственному факту – «Великому Факту», и «нет никакой возможности провести различия между различными именами Великого Факта, когда они стоят после выражения «Соответствует» [Дэвидсон, 2003, 79].

Понятие соответствия было бы нетривиальным и пригодным для определения истины только в том случае, если бы имплицировало способ установления референции, на основе которого можно было бы выделить и зафиксировать именно тот факт или то положение дел, которые определенно соответствуют отдельному предложению и тем самым делают его истинным. Но, как показывает аргумент, при отсутствии способа фиксации безотносительного указания на различные факты, исключаящего референциально-ассоциативную развилку, служащую обратной стороной коллапсирования различимых фактов в квази-элеатское «Одно», высказывание, соответствующее одному факту, соответствует целому универсуму фактов, *что приводит к «разбуханию онтологии»* [Дэвидсон, 2003, 78].

Исходя из импликаций этого аргумента, становится понятным смысл утверждения Дэвидсона: «ничто, ни один *предмет* не сделает нашу теорию и ее предложения истинными» [Дэвидсон, 2003, 272]. Таким образом, аргумент, называемый «The Slingshot-argument», *тривиализирует отношение соответствия*, показывая, что формула корреспондентной теории истины – «если *p* истинно, то этому соответствует факт, что *p* лишена объяснительной силы». На основании этого аргумента, который, как мы видим, неслучайно получил ковариантное обозначение «аргумента от Большого Факта», Дэвидсон приходит к заключению: «в действительности нет никаких своеобразных и подходящих сущностей, которые, будучи как-то связанными с предложениями, могут объяснить, почему одни из них истинны, а другие нет. Следовательно, имеется весомое основание скептически относиться к значимости корреспондентной теории истины» [Davidson, 2005, 6.]

Стратегии критики и способы нейтрализации аргумента «Рогатка»

Наиболее типичные возражения эпистемологического, логического и методологического порядка, высказываемые критиками, сводятся к тому, что исходные допущения, на которых базируется данный аргумент, не обладают всеобщим и необходимым значением, в силу которого сторонники корреспондентной теории истины должны их принимать в качестве принципов, ограничивающих или подрывающих стратегию истинностной оценки, основанную на принципе корреспонденции.

Метафизико-эпистемологическая критика

Основное допущение, определяющее трактовку принципа корреспонденции его антагонистами, заключалось в том, что каждое истинное предложение соответствует какому-либо факту. Однако, как правильно замечает Э.Ньюмэн, данное положение может иметь альтернативные толкования, которые в развитии рассматриваемого аргумента произвольно смешиваются: *с одной стороны*, за исходное принимается представление о фактах как некоей реальности, независимой от сознания и языка; *с другой стороны*, развивается «лингвистический взгляд на факты»; однако эти альтернативные трактовки являются несовместимыми, если исходить из строго различия позиций «лингвистического реализма» и «метафизического реализма». Исходя из диспозиции, обозначившейся в линиях развития данного аргумента, можно сделать только два метафизических вывода: «либо то, что Дэвидсон подразумевает под фактом, есть Истинное Фреге и Черча, если допустить, что такая сущность действительна, либо не существует таких вещей как факты, как их понимает Дэвидсон» [Newman, 2004, 171].

Версии аргумента, нацеленного против понимания истины, которое выражается принципом соответствия фактам, отправляются от интуиции фактов как элементов независимой от сознания и языка реальности, но в действительности *работают с лингвистическим понятием факта*. Однако, строго говоря, замечает Ньюмэн, «эти философы, включая Дэвидсона, не правомочны ориентироваться на понимание факта как ... единицы сущего или сущности, существующей в мире; в лучшем случае у них лингвистический взгляд на факты, не подкрепленный метафизической теорией относительно того, где эти факты могли бы находиться» [Newman, 2004, 171].

Таким образом, реалистически ориентированные эпистемологи подвергают критике само *лингвистическое понятие факта*, на которое опирается критика теории соответствия, подкрепляемая аргументом «Рогатка». Основанием же для отказа от ориентации на понимание факта как экстралингвистической сущности является апорийность методологических ситуаций, связанных с ограничениями, возникающими в поле языковых средств репрезентации. В качестве условия осмысленности утверждения, что «факт» это имя, обозначающее то же, что и «истинное предложение», указывается то обстоятельство, что мы не можем выделить и распознать какой-либо особенный факт, не иначе, как используя те же самые выражения, которые мы используем для распознавания и выделения соответствующего ему предложения. Однако признание такого рода апорий не может привести к отказу от корреспондентной теории истины, поскольку теория эта не индуцирует обязательство принимать онтологию «фактов» или «положений дел», но выражает лишь общее требование, чтобы истинностные факторы были независимы от сознания, т.е. допускает, что истинность или ложность предложения зависит от природы реальности, которая сама не определяется знанием.

Как замечает Дж. Вольпе, факты можно трактовать как образования, супервентные по отношению к реальности, представленной в той или иной системе языкового описания; в этом аспекте факты являются лингвистическими конструктами, т.е. зависимы от языка, с помощью которого мы описываем реальность, что, однако, не подрывает основания для требования независимости истинностных факторов, на котором держится теория соответствия [Volpe, 1995, 28]. Сторонник корреспондентной теории мог бы не без основания утверждать, что истинные предложения соответствуют, а ложные предложения не соответствуют фактам, которые зависимы от языка, при условии отчетливого понимания того, что соответствие/несоответствие этих предложений фактам, зависимым от языка, является супервентным по отношению к тому,

удовлетворяют или не удовлетворяют этим предложениям последовательности объектов, которые *независимы* от языка.

Другая же линия критики обозначилась в попытках доказательства того, что вопрос об основательности рассматриваемого аргумента вообще не затрагивает принципиальных позиций теоретика корреспондентной истинности: основным доводом здесь является соображение, что критическая интенция этого аргумента заключается в демонстрации проблематичности определения статуса фактора истинности («truth-maker»), но не самого реляционного свойства истинности, которое является основным предметом корреспондентной теории истины [Virdi, 2006, 28-34].

Проекты нейтрализации аргумента средствами логики-семантического анализа

С учетом значимости принципов семантики, на основе которых развивается аргумент «Рогатка», естественно первым делом поставить вопрос о возможностях противодействия семантическому коллапсу за счет использования тех концептуальных ресурсов, которые могут быть извлечены из развития фрегеанской семантической концепции.

Неофрегеанская стратегия: требование смысловой конвергенции

Одна из возможных стратегий иммунизации высказываний, содержащих выражение «факт, что...», включая высказывания как корреспондентно-истинностные формулы, заключается в ограничении правила замены кореференциальных сингулярных термов на основе развития идей двухуровневой семантики, предложенных Г. Фреге [Frege, 1948, 209-230]. Так, исходя из парадигматического различия *смысла* имени и его *значения* (референта), а также учитывая решение проблемы денотации в интенциональных контекстах, можно задать строгую комбинацию критериев референциального и смыслового тождества, которая однозначным образом определяла бы семантику выражений, содержащих указание на факты, которые являются тождественными, или имеющих своим значением одни и те же пропозиции. Иными словами, семантические критерии денотации тождественных фактов и пропозициональной идентичности определяются не только на основе объемного толкования терминов, достаточного для установления кореференциальности, но и совпадения выражений, отсылающих к одному и тому же факту или пропозиции, по смыслу. Следуя логике этого подхода, учитывающего не только значение, но и смысл соответствующих выражений, и ассоциирующего факты с пропозициями, необходимо признать, что высказывания «Цицерон довершал сочинение «О государстве» в свете Вечерней звезды» и высказывание «Великий римский оратор, назначенный в 53 году авгуром, довершал сочинение «О государстве» в свете Утренней звезды», отсылают к различным фактам, поскольку эти высказывания различаются по смыслу, несмотря на то, что термины этих высказываний являются равнообъемными, интенциональное их различие приводит к тому, что высказывания эти имеют различное пропозициональное содержание. В таких случаях кореференциальность терминов является необходимым, но не достаточным условием для того, чтобы поставить в соответствие сентенциональным высказываниям одни и те же факты или пропозиции (если считать таковыми значением предложений).

Такой подход является вполне адекватным для интенциональных контекстов. Но в посылках рассматриваемого аргумента эксплицитно не заложено допущение, что контекст может быть

интенциональным; более того, в основе аргумента положено допущение, которому соответствует правило замены равнообъемных сингулярных терминов, однако, как замечает Ст. Нил, утверждение, что данное правило обеспечивает вывод только в экстенциональном контексте, было бы трюизмом [Neale, 2007, 153], ибо на допущении такой замены строится само определение этого контекста.

Кроме того, такой подход нельзя назвать в полном смысле реалистически ориентированным, поскольку он предполагает определение критериев фактуальной значимости в границах языкового дискурса и замещает, таким образом, то содержание в понятии факта, которое определяется интенцией на независимую от сознания и языка реальность. Можно сказать, что неофрегеанская стратегия имплицитно представляет, что «факты» определяются в области действия некоторой пропозициональной функции, а их стандартные конститuenty – объекты, свойства и отношения выделяются в зависимости от определенной концептуальной схемы или способа языковой репрезентации: представление контекста указания на факты на основе выделения интенционального фактора приводит к тому, что «не объекты сами по себе, но объекты, рассматриваемые с точки зрения того или иного описания, становятся компонентами фактов и пропозиций» [Stainton, 2010, 464]. Таким образом, эта линия контраргументации возвращает нас к лингвистическому понятию факта, которое естественно вызывает критическое отношение со стороны реалистически ориентированных эпистемологов. Как замечает Ньюман, понятие *факта как лингвистического конструкта* восходит к той парадигме, в которой работал Фреге и его последователи, утверждавшие, что истинностные значения являются единственно возможным типом сущностей, которые могут быть референтами предложений. Соответственно, факты трактуются как реификации истинных предложений: «Платоновское небо, на самом деле, является наиболее вероятным местом, где располагаются факты и положения дел в их лингвистическом понимании...» [Newman, 2004, 171].

Линия защиты Дж. Барвайза и Дж. Перри: предметные дистрикции и ситуационная семантика

Относительно эффективной является другая линия критики, наметившаяся в ходе поиска способа избежать «рогатки»: линия эта обозначилась в попытках поставить под вопрос общее представление, что логическая эквивалентность предложений включает в себе критерий тождества десигнации, т.е. критерий того, что предложения, при условии логической эквивалентности (и кореференциальности сингулярных термов), *в контексте высказывания* типа «*факт, что...*» обозначают или представляют один и тот же факт. В фарватере этого подхода рассуждали Дж. Барвайз и Дж. Перри [Barwise, Perry, 1981]. В одном из главных аспектов эта линия выстраивается на основе артикуляции возможности нейтрализовать эффект замены логически эквивалентных предложений посредством придания значения такому фактору, как *различие их предметного содержания*. Основная идея, из которой развивается контраргумент, заключается в том, что предмет высказываний, выражаемых предложениями, может быть различным, и даже если предложения эти являются логически эквивалентными, то их предметно-содержательное различие оказывается основанием, достаточным для того, чтобы утверждать, что в соответствующих высказываниях речь идет о *различных фактах*. Так, в нашем примере, предложения «Москва – столица России» и « $\{x: x=x \ \& \ \text{Москва} - \text{столица}$

России} = {x: x=x }» являются логически эквивалентными, но предметно различными, ибо второе предложение отличается от первого тем, что представляет высказывание об абстрактных множествах, а первое – об объектах естественного порядка и их отношении, т.е. о некоторой ситуации; следовательно, утверждение, что эти предложения представляют, указывают или описывают один и тот же факт, является, по меньшей мере, семантически проблематичным. Перри утверждает, что аргумент «Рогатка» содержит хитрый трюк, за которым надо различать проблему, когда вследствие оперирования логическими эквивалентами «теряется след предметного содержания» [Perry, 1996, 105-107]. Упущение предметного содержания можно диагностировать, опираясь в истолковании фактов, например, на «структуралистскую» концепцию, согласно которой описание фактов предполагает указания на объекты, их свойства и отношения, в рамках той модели анализа, которую предложили Перри и Барвайз, компоненты эти соотносятся с параметрами описываемой ситуации. Понятие ситуации отвечает интенции на объективность и представляется более адекватным, чем понятие факта, объем которого образуют «ситуации, нагруженные языком» [Barwise, Perry, 1981, 388]. Ситуация определяется как часть мира, в которой посредством концептуальной активности выделяются комплексы различных объектов и их отношений (а также атрибутивных свойств), которые являются «в той же мере абстрактными, сколь и самыми конкретными предметами, с которыми мы имеем дело на уровне восприятия и языка». [Barwise, Perry, 1981, 389] Проект экспликации понятия ситуации в лингвистических терминах обозначился в построении теоретико-модельной концепции семантики, в рамках которой различаются уровни языкового значения, интерпретации и оценивания. Так, на уровне интерпретации «объекты представляются как интерпретации имен, переменных и других несоставных выражений, а свойства и отношения – как интерпретации простых предикатов, пропозиции же (т.е. множества типов ситуаций) – как интерпретация высказываний» [Barwise, Perry, 1981, 391]. Интерпретация же, нагруженная оцениванием, может выражаться в целом ряде моментах: 1) установление того, является ли данный тип ситуации тем, к которому относится данная пропозиция; 2) определение области распространения свойства в данной ситуации; 3) определение того, какие именно свойства имеются у индивида в данной ситуации [Barwise, Perry, 1981, 392].

Получая обозначения посредством элементарных выражений в составе целого предложения, компоненты комплекса, образующего целостную ситуацию, приобретают статус частей предметного содержания высказывания (предложения), которое интерпретируется как описывающее ситуацию определенного типа; соответственно, изменение или перераспределение объектов, свойств и отношений может привести к предметно-содержательной трансформации, которую апологет «Рогатки» выдает за обращения всех фактов в один Большой Факт.

Барвайз и Перри подвергают критическому анализу преимущественно ту версию аргумента, которую предложил А. Черч [Church, 1956, 24-25], хотя общие их соображения, основанные на методологии семантического анализа высказываний, описывающих (или обозначающих) определенные типы ситуаций, вполне применимы и к версии Дэвидсона.

В версии Черча аргумент имеет следующий вид:

(C1). Сэр Вальтер Скотт является автором «Уэверли».

(C2). Сэр Вальтер Скотт является тем, кто в совокупности написал 29 новелл «Уэверли».

(C3). Число, такое, что ровно столько в совокупности Вальтер Скотт написал новелл «Уэверли», есть число двадцать девять.

(C4) Число округов штата Юта – двадцать девять.

С одной стороны, согласно принятым допущениям, различие выражений («автор «Уэверли»») и «человек, написавший 29 новелл «Уэверли»») в составе предложений (С1) и (С2), а также выражений в составе предложений (С3) и (С4) не привносит никакого различия в ситуации, описываемые соответствующими предложениями: в случае (С1) и (С2) определенные дескрипции получают интерпретацию посредством выделения одного и того же объекта – Вальтера Скотта, а во втором случае имеется в виду одно и то же число. Однако, несмотря на формальные допущения, лежащие в основе аргумента, с точки зрения ситуационно-семантического анализа, переход от предложения (С2) к предложению (С3) несостоятелен: все четыре предложения должны описывать или обозначать одни и те же ситуации; но анализ показывает, что (С2) обозначает ситуацию, в которой объектным конституентом выступает Скотт, а (С3) – ситуацию, в которой в качестве объекта, обеспечивающего интерпретацию термина, выступает число 29; следовательно, анализ ситуаций в терминах предметного содержания показывает, что в срединной части аргумент оказывается дефектным. С другой стороны, можно было бы попытаться представить предложения (С2) и (С3) как описывающие одну и ту же ситуацию, а именно – ситуацию успешного написания Скоттом именно 29 новелл «Уэверли»; в этом случае возникает новая интерпретация определенных дескрипций в составе как первых двух, так и последних двух предложений, что приводит к негативным последствиям для аргумента в целом: так, например, «автор «Уэверли»» уже нельзя истолковать как то же самое, что и «Скотт», ибо в описываемую ситуацию привносятся различные комплексы объектов и свойств, на основе которых интерпретируются выражения в составе этих предложений. Однако такой подход оказывается «абсолютно фатальным» [Barwise, Perry, 1981, 397] для начального и конечного шагов в составе аргумента (так, например, в предложении (С3) число 29 обозначает число новелл «Уэверли», написанных Скоттом, а в предложении (С4) речь идет о числе округов штата). Если предложения, которые являются эквивалентными в логическом смысле, описывают и указывают на различные ситуации, и это отображается моделями интерпретации соответствующих выражений, то эти предложения не являются эквивалентными в семантическом смысле. Аргумент «Рогатка», допуская замену логически эквивалентных предложений и единичных термов, представляющих определенные дескрипции, строится на определенной комбинации интерпретаций, в ходе которой оценочно опосредованные интерпретации замещают интерпретации, не нагруженные оценением, и наоборот: «Мы оценочно нагружаем определенные дескрипции для первого шага, на следующем шаге рассматриваем их как свободные от оценочных интерпретаций, и затем нагружаем их снова в завершение аргумента» [Barwise, Perry, 1981, 398]. В результате такого обращения исчезает след предметного содержания. Если предложения, которые являются эквивалентными в логическом смысле, описывают и указывают на различные ситуации, и это отображается моделями интерпретации соответствующих выражений, то эти предложения не являются эквивалентными в семантическом смысле, придавая значение этому фактору в рамках ситуационно-семантического анализа, Барвайз и Перри демонстрируют необходимость снятия ограничений, накладываемых формальным толкованием понятия «логической эквивалентности» на описание отношения между высказываниями, истинными в одних и тех же системах: такие высказывания не обязательно должны иметь один и тот же предмет. Аргумент, доказывающий, что логически эквивалентные высказывания совпадают в том, что они обозначают и на что указывают, строится на допущениях, имплицитующих – в рамках заданного толкования понятия логической эквивалентности – формальные принципы семантики истинных высказываний; но если в рамках этой семантики допускается, что референтами или десигнатами истинных

высказываний являются, например, истинностные значения («Истина» или «Ложь»), то аргумент становится круговым: то, что предполагается в посылках, становится положением, доказываемым в качестве заключения. И в некоторых исследованиях уже раскрывалась круговая природа данного аргумента [Shramko, Wansing, 2009, 437-439].

Деконструкция оснований аргумента за счет применения теории дескрипций Рассела

В плане ограничения значения принципа, выражающего правило SUB, принципа *взаимозамены совпадающих по объему, кореферентных единичных терминов* в предложениях указанного типа, критики обычно замечают, что единичные термины, используемые в аргументе, являются *определенными дескрипциями*, однако при квантификационном истолковании статус их как сингулярных термов можно поставить под сомнение, в этом случае они функционировали бы иным образом, нежели имена собственные, относительно которых – при условии их кореферентности – принцип замены *salva veritate* остается в силе [Stainton, 2010, 464-465]. Так, если придерживаться теории Рассела, то следует признать, что определенные дескрипции не обладают референцией в том строгом смысле, в каком обладают ею сингулярные термы (имена собственные), ибо «относительно определенной дескрипции прежде всего нужно осознать то, что она не является именем» [Рассел, 1999, 70]. Расселовские дескрипции следует рассматривать как логико-языковые структуры, относящиеся к классу квантификационно-предикативных выражений, которые выступают как «неполные символы», не имеющие собственного значения вне контекста целостного предложения: «обозначающая фраза является сущностной частью предложения и, в отличие от большинства одиночных слов, не имеет какого-либо собственного значения. Если я говорю: ‘Скотт был человеком’, это высказывание имеет форму ‘ x был человеком’, и его субъектом является ‘Скотт’. Но если я говорю: ‘Автор *Уэверли* был человеком’, это не является высказыванием формы ‘ x был человеком’, и не имеет ‘автор *Уэверли*’ в качестве субъекта.... И говоря в общем, если предположить, что мы хотим сказать, что автор *Уэверли* имеет свойство φ , тогда то, что мы хотим сказать, эквивалентно следующему: «Одно и только одно существо написало *Уэверли*, и это существо обладает свойством φ » [Russell, 1905, 488]. Для применения квантификационно-предикативных выражений (когда представляется неопределенный предмет, удовлетворяющий описанию, или последовательности предметов, упорядочиваемых определенным отношением) формальный аппарат предусматривает использование предметных *переменных*, связываемых *кванторами* (такими, например, как «каждый», «некоторые», «некий», «никто, кроме», «ни один» и т.п.), которые функционируют в комбинации с называющими выражениями и в составе целостного предложения, когда переменным (как аргументам функции) присваивается определенное значение, становятся однозначными символами. Например, предложение «Аристотель – основатель классической логики» можно истолковать таким образом: "*Существует человек, которого звали Аристотель, этот человек – основатель классической логики, и никто, кроме него, не является таковым*". Если логическая форма предложения вида «а есть G» («Аристотель – классический античный философ») может быть отображена формулой «G(a)» (или даже формулой: «а есть $xG(x) = \exists x (x = a \bullet G(x))$ »), то логическая форма простого предложения вида «тот..., который F, есть G» (где субъект, единственным образом удовлетворяющий предикату F, удовлетворяет предикату G, как, например, в предложении «Ректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова *проживает в*

Москве») может быть отображена квантификационной формулой: $\forall x(Fx \supset Gx) \supset \bullet \exists x \forall y (Fy \equiv y=x)$, что в эквивалентном выражении можно представить как: $\exists x (\forall y (Fy \equiv y=x) \bullet Gx)$.

Даже если признать корректность правила замены кореферентных единичных термов (SUB), инстанциациями которых в аргументе выставляются соответствующие выражения типа « $\{x: x=x \ \& \ S\}$ », то можно указать границы применимости этого правила, а именно – представить указанные выражения как комплексные определенные дескрипции, выполняющие не референциальную, а квантификационную функцию («множество объектов, таких, что...»). Выражения такого рода не просто выступают в той функции, которую выполняют, например, собственные именны обозначения (как в предложениях «Аристотель – классический античный философ» и «Стагирит – классический античный философ», где можно произвести замену собственных имен *salva veritate*, не утрачивая тождественности истинностного статуса), а несут в себе определенную информацию, которая составляет основу определенного знания («знания по описанию»), и экспликация этого знания, предпосылаемая выделению объектов, удовлетворяющих описанию, создает контекст, ограничивающий применение правил, действующих при референциальном истолковании дескрипций. Примером такой экспликации является истолкование предложения «Ректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова *проживает в Москве*» в том смысле что: «Существует только один человек, который является ректором Московского университета им. М.В. Ломоносова, и для всякого человека, если он – ректор Московского университета, верно, что он проживает в Москве». Очевидно, что *прото-расселловское толкование, предполагающее переход от сингулярных термов, употребляемых в той референциальной функции, которую обычно выполняют имена, к комплексным квантификационно-предикативным выражениям, выводит нас за границы применимости правила SUB*; соответственно, если в контексте высказываний формы «факт, что...» для указания на факты применяются определенные дескрипции, которым придается квантификационное толкование, то в этом контексте *правило замены терминов *salva veritate*, оказывается иррелевантным*.

Оценивая преимущества, которые обеспечивает подход, восходящего к теории дескрипций Рассела, в плане решения проблемы значения высказываний, отсылающих к тому или иному факту, следует иметь в виду, что этот подход имеет определенные концептуальные основания: «Рассел придерживался структуралистской теории фактов.: (i) факты содержат объекты и свойства в качестве своих компонентов; (ii) структура истинного предложения отражает структуру факта, на который оно указывает. Кроме того, Рассел полагал, что (iii) ни один объект в составе факта, соответствующего предложению «тот ..., который есть F, есть G», не соответствует определенной дескрипции «тот ..., который (уникальным образом) есть F», потому что такое выражение, наряду с «каждый F» или «ни один F», является не сингулярным термом, а средством квантификации» [Neale, 2007, 204]. Однако Рассел допускал, что хотя дескрипции в собственном смысле не являются сингулярными терминами, при определенных условиях (например, когда некоторый предикат F относится к одному единственному объекту, т.е. когда объем соответствующего понятия единичен) их можно трактовать как сингулярные термины ($\iota x F(x)$). Очевидно, что для терминов, выражающих определенные дескрипции, особенно применительно к указанному случаю, может быть сформулировано правило замены. Пусть ι SUBS - правило вывода, которое в истинностно-функциональном контексте определяет условия взаимозамены дескрипций (например, $(\iota x \phi = \iota x \psi) \supset \{ \Sigma(\iota x \phi) \equiv \Sigma(\iota x \psi) \}$, что означает: если уникальный объект, удовлетворяющий формуле ϕ , тождественен уникальному объекту, для которого выполняется формула ψ , тогда допустима «вербальная замена» дескрипции $\iota x \phi$ на дескрипцию $\iota x \psi$, или наоборот (мы сохраняем оригинальные номинации Ст.Нила [Neale,

2007,160], но это правило следует отличать от правила SUB, выражающего принцип замены равнообъемных сингулярных терминов). Пусть «FIC» знак связки, представляющей оператор сентенционального отождествления фактов: «FIC (ϕ, ψ)» употребляется для «факт, что ϕ = факт, что ψ ». Тогда, исходя из концептуальных оснований, артикулированных в теории дескрипций Рассела, следует признать, что область действия FIC не совпадает с областью применения \rightarrow SUBS, потому что «две определенные дескрипции одного и того же объекта, как правило, не будут приносить одни и те же дескриптивные свойства в состав факта» [Neale, 2007, 204]. Например, в свете теории дескрипций Рассела предложение « $\lambda x[x=\text{Диоген}] = \text{Диоген}$ » можно истолковать в таком смысле: «(в определенной области, которой соответствует класс человеческих существ) существует уникальный объект, который тождественен Диогену, и всякий объект, который тождественен Диогену, является объектом, тождественным Диогену»; а предложение « $\lambda x[x \text{ есть философ школы Киников, искавший днем с огнем человека}] = \text{Диоген}$ » можно истолковать следующим образом: «существует уникальный объект, который тождественен философу школы Киников, искавшему днем с огнем человека, и для всякого объекта (из данной области) верно, что если он тождественен философу школы Киников, искавшему днем с огнем человека, то он тождественен Диогену». Предложения эти, очевидно, различаются по тому семантическому вкладу, который вносят определенные дескрипции, и это позволяет трактовать их как отсылающих к различным фактам. В случае « $\lambda x[x=\text{Диоген и } t] = \lambda x[x=\text{Диоген}]$ » и « $\lambda x[x=\text{Диоген и } s] = \lambda x[x=\text{Диоген}]$ » результат будет таким же, если, например, « $\lambda x[x=\text{Диоген и } t]$ » выразить комплексной функцией $\lambda x\phi(x)$ или представить в виде эквивалентных выражений « $\exists y[(y=a) \ \& \ t] \ \& \ \forall z [((z=a) \ \& \ t) \rightarrow (z=y)]$ » \equiv $\exists y [(y=a) \ \& \ t]$ », а « $\lambda x[x=\text{Диоген и } s]$ » функцией $\lambda x\psi(x)$, раскрывая аналогичным образом содержание всех дескрипций, это позволит продемонстрировать, что на основе различных (определенных) дескрипций в составе фактов, которые описывают соответствующие предложения выделяются различные конститuenty, даже если речь идет об одних и тех же объектах, будь то Диоген или Вальтер Скотт. Таким образом, учитывая расселловскую альтернативу референциальному пониманию дескрипций, *высказываниям типа «тот факт, что»* можно придать такое толкование, которое в диапазоне применения *квантификационно-предикативных выражений* допускает *индивидуацию различных фактов* и является решающим фактором иммунизации соответствующих предложений от действия аргумента. Однако, как показывают современные исследования, возможны и такие версии аргумента «Рогатка», с которыми уже нельзя справиться на основе применения расселловской теории дескрипций.

Заключение

Аргумент «Рогатка», при условии значимости принятых допущений, обеспечивает формально корректное доказательство целого ряда позиций, индуцирующих пересмотр стандартных представлений о семантике языковых выражений (редуцируются различия в универсуме референтов или десигнатов предложений, как истинных, так и ложных) и принципах их употребления (демонстрируется, что контекст применения модальных, каузальных, темпоральных операторов, не будучи гиперинтенциональным, оказывается транспарентным). Использование этого аргумента в качестве эвристического средства критического анализа языка метафизических и эпистемологических теорий актуализирует его философское значение. Дэвидсон, как мы видели, использовал данный аргумент для доказательства того, что корреспондентные теории истины не обладают семантическими ресурсами, достаточными для дифференциации и индивидуации фактов в качестве объектов, которым соответствуют истинные высказывания. Однако

раскрытие ряда ограничений формального и концептуального плана редуцирует методологические возможности использования аргумента «Рогатка» в качестве средства критики корреспондентной теории истины. В концептуальном плане наиболее проблемным местом демонстрации того, что отношение соответствия эпистемологически тривиально, является семантическая неоднозначность понятия факта, которая проявляется в конкуренции реалистической интенции, определяющей понимание факта как независимого фактора истинности, с интенциями лингвистического понимания фактов как объектов, конституированных в рамках определенной референциальной системы. При этом мы вполне согласны со Ст. Нилом, что для разрешения логико-семантических апорий, возникающих при определении значения комплексных выражений, действующих операторы указания на факты, необходимо иметь разработанную теорию фактов наряду с теорией дескрипций и логикой различения и отождествления фактов, которая позволяет избежать фактуального коллапса и учитывает модальные аспекты соответствующих высказываний [Neale, 2007, 223]. Формальные же ограничения выявляются посредством критического анализа тех базовых допущений, на которых строится данный аргумент, таких как допущение взаимозаменяемости логически эквивалентных предложений и взаимозаменяемости ко-референтных единичных термов в истинностно-функциональном контексте. В качестве альтернативных подходов и стратегий логико-семантического анализа, позволяющих нейтрализовать аргумент «Рогатка» за счет модификации или ограничения его базовых допущений, приоритетно выделяются: неофрегеанская стратегия индивидуации фактов или пропозиций в семантических терминах, учитывающая интенциональную конвергенцию выражений; стратегия реконструкции фактов или ситуаций на основе различения конституентов предметного содержания предложений; стратегия, предполагающая замену референциального истолкования сингулярных термов квантификационным, согласно теории дескрипций Рассела. Однако, ни один из рассмотренных подходов не представляет универсальные средства для разрешения апорий, возникающих вследствие использования допущений, положенных в основу аргумента «Рогатка»; но все эти и многие другие подходы, вырабатываемые или применяемые для контраргументации, следует рассматривать в контексте средств наращивания потенциала конструктивной рефлексии над основаниями эпистемологических концепций, сопряженной с артикуляцией возможностей терапии самого языка эпистемологии, к чему, собственно, побуждает и обязывает пролиферация версий рассмотренного аргумента.

Библиография

1. Галухин А.В. Критика Дональдом Дэвидсоном оснований концептуального релятивизма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А. С. 5-38.
2. Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Практикс, 2003. 448 с.
3. Лебедев М.В., Черняк А.З. Онтологические проблемы референции. М.: Практикс, 2001. 344 с.
4. Петров Ю.А., Захаров А.В. Практическая методология. Озерск: ОТИ МИФИ, 2001. 107 с.
5. Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск: Водолей, 1999. 192 с.
6. Church A. Introduction to Mathematical Logic. Princeton: Princeton University Press, 1956. Volume 1. 387 p.
7. Barwise J., Perry J. Semantic Innocence and Uncompromising Situations // French P.A. et al. (eds.) Midwest Studies in Philosophy, VI: The Foundations of Analytic Philosophy. Minneapolis: Minnesota University Press, 1981. P. 387-403.
8. Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford: Clarendon Press, 2001. 256 p.
9. Davidson D. Truth, Language and History: Philosophical Essays. Oxford: Clarendon Press, 2005. 350 p.
10. Frege G. On Sense and Reference // The Philosophical Review. 1948. Vol. 57. No. 3. P. 209-230.
11. Künne W. Conceptions of truth. Oxford: Clarendon press, 2005. 508 p.
12. Neale St. Facing facts. Oxford: Oxford University Press, 2007. 263 p.
13. Newman A. The correspondence theory of truth. An essay on the metaphysics of predication. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 251 p.

-
14. Perry J. Evading the Slingshot // *Philosophy and Cognitive Science*. The Netherlands, 1996. P. 95-114.
 15. Russell B. On denoting // *Mind*. 1905. Vol.14. P. 479-493.
 16. Russell B. *The Problems of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press. 1959. 167 p.
 17. Shramko Y., Wansing H. The Slingshot Argument and Sentential Identity // *Studia Logica*. Springer. 2009. Vol. 91. P. 429-455.
 18. Stainton R.J. Metaphysics, Substitution *Salva Veritate* and the Slingshot Argument // Barber A., Stainton R.J. (eds.) *Concise Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford: Elsevier Ltd, 2010. 912 p.
 19. Viridi A. On Why the Slingshot against the Correspondence Theory of Truth Misfires // *Minerva*. 2006. №10. P. 28-34.
 20. Volpe G. Realism and the epistemic accessibility of correspondence truth. PhD thesis, London School of Economics and Political Science (United Kingdom), 1995. URL: <http://etheses.lse.ac.uk/id/eprint/1360>

The Slingshot-argument against the correspondence theory of truth: analysis and criticism

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of history and philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanni lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

This paper inquires into the question of whether The “Slingshot” argument can be properly used as a methodological device for the philosophical criticism of the correspondence theory of truth. The argument is designed to show with logical validity that in contexts which allow substitution *salva veritate* of logically equivalent sentences and co-referring singular terms all true sentences designate or refer to one and the same thing. It is this semantically collapsing effect with regard to the designates of true sentences which has been extrapolated to facts, by which means D. Davidson intends to prove that it would be impossible to differentiate and individuate facts as the objects to which true sentences can be said to correspond. However, the problem with this argument is that such a demonstration of the triviality of correspondence relation is based on reductionist assumptions that blur the distinction between a linguistic view of facts and a realistic view of facts. The paper gives account of the alternative strategies of logical and semantic analysis which enable to take the edge off The “Slingshot” argument by the way of modifying or restricting its’ basic assumptions: Neo-Fregean strategy of individuating facts or propositions within the framework of two-level semantics which requires to take into account the intensional distinction of terms; the strategy of individuating facts and distinguishing situations in terms of the sentences’ having different subject matters, and situation semantics analysis; the implementation of Russell’s theory of descriptions which implies the use of quantificational interpretation of singular terms.

For citation

Galukhin A.V. (2018) Argument «Rogatka» protiv korrespondentnoj teorii istiny: analiz i kritika [The Slingshot-argument against the correspondence theory of truth: analysis and criticism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (2A), pp. 39-61.

Keywords

Epistemology, truth, fact, semantics, correspondence theory of truth, The “Slingshot” argument, logical equivalence, co-referential terms definite descriptions.

References

1. Barwise J., Perry J. (1981) Semantic Innocence and Uncompromising Situations. In: French P.A. et al. (eds.) *Midwest Studies in Philosophy, VI: The Foundations of Analytic Philosophy*. Minneapolis: Minnesota University Press.
2. Church A. (1956) *Introduction to Mathematical Logic*. Princeton: Princeton University Press. Volume 1.
3. Davidson D. (2001) *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press.
4. Davidson D. (2003) *Istina i interpretatsiya* [Inquires into truth and interpretation]. Moscow: Praxis Publ.
5. Davidson D. (2005) *Truth, Language and History: Philosophical Essays*. Oxford: Clarendon Press.
6. Frege G. (1948) On Sense and Reference. *The Philosophical Review*, 57, 3, pp. 209-230.
7. Galukhin A.V. (2017) Kritika Donal'dom Devidsonom osnovanii kontseptual'nogo relyativizma [Donald Davidson's criticism of the foundations of conceptual relativism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (3A), pp. 5-38.
8. Künne W. (2005) *Conceptions of truth*. Oxford: Clarendon press.
9. Lebedev M.V., Chernyak A.Z. (2001) *Ontologicheskie problemy referentsii* [Ontological problems of reference] Moscow: Praxis Publ.
10. Neale S. (2007) *Facing facts*. Oxford: Oxford University Press.
11. Newman A. (2004) *The correspondence theory of truth. An essay on the metaphysics of predication*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Perry J. (1996) Evading the Slingshot. In: *Philosophy and Cognitive Science*. The Netherlands.
13. Petrov Y.A., Zakharov A.V. (2001) *Prakticheskaya metodologiya* [Methodology in Practice]. Ozersk: OTI MIFI.
14. Russell B. (1905) On denoting. *Mind*, 14, pp. 479-493.
15. Russell B. (1959) *The Problems of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
16. Russell B. (1999) *Filosofiya logicheskogo atomizma* [The Philosophy of Logical Atomism]. Tomsk: Vodolei Publ.
17. Shramko Ya., Wansing H. (2009) The Slingshot Argument and Sentential Identity. *Studia Logica*, 91, pp. 429-455.
18. Stainton R.J. (2010) Metaphysics, Substitution Salva Veritate and the Slingshot Argument. In: Barber A., Stainton R.J. (eds.) *Concise Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford: Elsevier.
19. Virdi A. (2006) On Why the Slingshot against the Correspondence Theory of Truth Misfires. *Minerva*, 10, pp. 28-34.
20. Volpe G. (1995) *Realism and the epistemic accessibility of correspondence truth*. *Doct. Dis.* London. Available at: <http://etheses.lse.ac.uk/id/eprint/1360> (Accessed 20.03.2018).